

и с личной зависимостью», то оно устроило так, что и здесь, даже в этом вопросе, осталось некоторое сомнение во всех тех случаях, когда «право *мертвой руки*» трудно было отделить от *феодалных* прав вообще.

Тот же шаг назад был сделан Собранием в вопросе о церковной десятине, платимой духовенству. Десятина доходила, как известно, очень часто до пятой части или даже до четверти всего урожая; при этом духовенство требовало даже свою долю сена, собранных орехов и т. п. Эта подать ложилась на крестьян очень тяжело, особенно на бедняков. Поэтому 4 августа духовенство отказалось от всех форм десятины натурой с условием, однако, что эти платежи будут *выкуплены* плательщиками. Но так как при этом не указывались ни условия выкупа, ни процедура, посредством которой выкуп будет происходить, то отказ сводился к простому пожеланию. Духовенство *соглашалось на выкуп*; оно позволяло крестьянам, если они захотят и смогут, выкупать десятину, устанавливая ее стоимость по соглашению с владельцами. Но когда 6 августа захотели формулировать относящийся к десятине закон, то Собрание встретило с крупным затруднением.

В продолжение ряда веков отдельные духовные лица продавали свои права на взимание десятины частным людям; такие десятины назывались *светскими*, или *закрепленными* (*infeodees*), и по отношению к ним Собрание сочло выкуп совершенно необходимым ради охраны права собственности последнего покупателя. Мало того, десятины, платимые крестьянами самому духовенству, оказались, в речах некоторых ораторов Собрания, как бы *налогом*, который нация платит для содержания своего духовенства; и мало-помалу по мере обсуждения этого предмета в Собрании взяло верх мнение тех, кто говорил, что о выкупе десятины может быть речь только в том случае, если нация возьмет на себя обязанность платить духовенству правильное жалованье. Эти прения продолжались целых пять дней, до 11-го числа, когда несколько священников, а за ними и архиепископы заявили, что они приносят десятину в жертву отечеству, а в остальном полагаются на справедливость и щедрость нации.

Таким образом было решено, что все виды десятины, платимые духовенству, будут отменены; но до тех пор, пока не будут найдены иные средства на покрытие жалованья духовенству, *десятина должна платиться по-прежнему*. Что же касается до закрепленной десятины, то она должна будет выплачиваться до тех пор, пока не будет выкуплена!

Можно себе представить, какое разочарование и какие волнения вызвало такое постановление среди крестьян. Десятина отменялась в теории, но на деле должна была взиматься *по-прежнему*. «До каких пор?» - спрашивали крестьяне. - «Пока государство не найдет средств платить духовенству как-нибудь иначе!». А так как финансовое положение государства ухудшалось, то крестьяне вполне справедливо начали сомневаться в том, что десятина будет когда-либо уничтожена. Безработица и революционные бури неизбежно затруднили поступление налогов; а в то же время расходы на новые судебные учреждения и на новую администрацию неизбежно возрастали. Демократические реформы всегда обходятся очень дорого и только мало-помалу народу, в среде которого происходит революция, удастся восстановить равновесие бюджета и покрывать вызванные революцией издержки. Пока крестьяне, стало быть, должны были платить по-прежнему десятину, и до самого 1791 г. десятину продолжали взыскивать с них очень строго. А так как они больше платить не хотели, то Собрание издавало против недоимщиков закон за законом со всевозможными карательными мерами.

То же самое нужно сказать и о праве охоты. В ночь 4 августа дворяне отказались от этого права. Но когда пришлось точно выразить в законе, что значил их отказ, то оказалось, что он должен был означать только то, что право охоты предоставляется всем и каждому. Между тем Собрание отступило перед таким решением и ограничилось тем, что распространило право охоты «на своих землях» на *всех собственников*, или *владельцев* недвижимых имуществ. Но даже и здесь, в окончательной редакции закона были оставлены неясности. Собрание отменило *исключительное* право охоты и право держать открытые парки для кроликов и заявило, что «всякий собственник имеет право истреблять сам или поручать другим истреблять дичь, исключительно на своих наследственных землях (*heritages*)». Распространилось ли это разрешение на арендаторов или нет, оставалось под сомнением. Впрочем, крестьяне не стали ждать разрешения начальства и не стали обращаться к судам за разрешением сомнений. Они истолковали постановления 4 августа в свою пользу и тотчас же после 4 августа принялись истреблять помещичью дичь. В течение долгих годов они видели, как голуби и кролики уничтожали их посевы, и теперь, не дожидаясь ничего разрешения, они сами стали истреблять разорителей.

Наконец, в самом важном вопросе - в вопросе о *феодалных правах*, волновавшем больше 20 млн. французов, Собрание, когда ему пришлось облечь в законную форму разные отказы, заявленные в ночь 4 августа, ограничилось простым *провозглашением в принципе* уничтожения феодалных прав.